

Антология художественных произведений и эссе русских писателей начала XXI в., написанных по следам эпидемий

Составитель С.П. Орбий

Надя Делаланд

от посмотри приходит
коронавирус чтобы все
изменилось да обнулилось
пушкины в добровольной
весенней ссылке пишут
бессмертное вешают в небе
ссылки кликни на звездочку
выпадет грусть седая

и потолстеешь безумие заедая
выйдешь потом прищуренный
что китаец жмур апокалипсиса
унылый хренастрадалец
маленькой разлажмаченной
бабкой ежкой и улыбнешься

Борис Кутенков

а если закроют безвирусный
въезд и мы не уедем не зная я
буду тем ртом что не выдаст не
съест исторгнувшим яблоко рая

в себе изплевавшим беду как
родство

к тебе обращённого слова со всем
лепетаньем прицельным его и мир
недоделанный виден Его острой
заточенья больного

смотри как горит неуместным
цветком дитя в красоте
дождемской так луч обнимает
его целиком что стебель
болящий растёт ни о ком и
падает лопнувшей леской

сиди же отец взаперти взаперти

не тронь лепесткового ада ни
брата которого нам не спасти ни
сына на чьих невозврат без пяти
ни слома его циферблата

но мальчик зовёт - бестелесно
раним в блаженном безвестье
утраты

и луч догоняет дыханьем одним и
вновь защищая становится им

безмасочно

слепо и свято

Вера Павлова

Отобрали долюшку торта,
посадили на хлеб и воду.
Арестанты зоны комфорта,
мы отпущены на свободу –
что с ней делать? Открою книгу,
почитаю вслух и открою:
нищета с любимым в обнимку
не считается нищетою.

Стефания Данилова

Мир без запаха и без вкуса. Без
объятий. И без людей.

Без сомнительного искусства
танца в зареве площадей.

Это чай, а быть может, кофе? Это
кофе, а, может, чай?

Заперта, как гитара в кофре.
Дозвонишься ли до врача,

если госпиталь под завязку, если
сотни — на ИВЛ?

Мыли руки, носили маску,
избегали чумных фавел,

но ковидла — такая падла, что
взломает собой тела.

Над собором Петра и Павла ровно
в полночь

луна взошла. Величаво плывет
всё выше. Из горячего янтаря.

И парадную не увижу аж до
самого ноября. Искажается
автотюном голос — кашляющая
жуть.

Если до потолка доплюну, муху в
лампочке заражу?

Нет ни капельки сил плевать.

По Ватсаппу болтать, сипя.

Это, детка, две тыщи двадцать,
это трип в самоё себя.

Не бежать мне под листопадом.
Не встречать в аэропорту.

Я носитель чего не надо в жарких
пальцах

и в жадном рту.

Я, конечно, авантюристка, но
грехи на мне не висят.

Мой возлюбленный в группе
риска,

хоть ему и не шестьдесят.

Мир без белого шоколада. Без
духов. Бездуховный мир.

Без любимого кофе латте. Без
желанья разжечь камин.

Без возможности насладиться
щедрым золотом октября.

Без поездок не за границу.

Без надежды.

И без тебя.

Евгения Джен Баранова

Здравствуйте, я говорю из могилы.

Нет, все нормально, здесь очень мило.

Спасибо, конечно, что позвонили.

Как ОРВИ? Хорошо в могиле.

Ни хрипоты, ни одышки на лестнице.

Спасибо, что вспомнили через два месяца.

Есть ли бактерии в миокарде?

Были в апреле, а, может, в марте.

Нет, я не против слезки столичной.

Надеюсь, мы встретимся с вами лично.

И с вами, Аркадий Степаныч Носиков,

в частной беседе решим вопросы.

Конечно, я помню, да-да, в деталях.

Отлично, мне кажется, поболтали.

Камилла Лысенко

антивирус

Звезды сказали — сидите дома;
сложили сияние в стоп-сигнал.

Эта иллюзия нам знакома, С
детства заточены под финал.

Выйдешь из дома за литром
солнца, Видишь у каждого на
лице: "Ну и когда же уже
начнется?" Страшен не выстрел.
Суров прицел.

Мы не боимся голодной смерти,
Смерть за порогом — всегда
слова. Мальчик, неси-ка нам
антисептик. Мы остаемся тут
зимовать.

Что будет дальше? А будет пепел.
Встанет в болоте тюремный царь.
Тех, кто пройдет через этот левел,
Ждет новый уровень звездаца.

Крутится, вертится и искрится;
Жди, будет хуже тебе, холоп.
Плохи прогнозы — пойдём на
принцип, Будем любимыми
всем назло.

Если рванет — обернись
любовью, Будем прикуривать
сквозь золу. Только до самого до
game over Просто забей — и меня
целуй.

Мальвина Матрасова

Мне всё надоело. Я сделаю новые новости. О том, как проснулись ежи во Владимирской области.

О том, как в обычной теплице в районе Касимова растут ананасы, имбирь и лимон с апельсинами. О том, как дельфины толпой возвращаются в Язу, увидев, что люди поставили жизни на паузу. О том, что в колонии диких бездомных собак был избран правителем новый и мудрый вожак, он будки поставил для старых потрепанных псов, и в целом для стаи он делает сразу и всё. Сниму репортаж об объевшемся рыжем коте.

О первом на старой берёзе зелёном листе. О серой вороне, нашедшей блестящий браслет. О глади реки, отражающей солнечный свет.

Возьму интервью у коровы, козы и гусей. Эфир проведу с партсобрания блошек на псе.

Мне всё надоело, я сделаю новое «всё». И слепо поверю, что мир сохранён и спасён.

Татьяна Стоянова

Носилки

Мы однажды умрем. Оказалось,
что это не ново. Оказалось, что
мир поделится на «после» и «до».

Арестанткой из дома на волю иду
по УДО.

Из подъезда со мной на носилках
выносят больного.

Я не знаю: зачем так случилось,
но только из нас Не меня увозили
в казенной машине в то утро. Я
запомнила белый зрачок — как
нутро перламутра.

Я запомнила: ночь — значит, кто-
то кого-то не спас.

Выходили со мной только три
человека к ступеням:

Санитары и сын. Он сказал:
«Значит, маме пора». Я взяла его
за руку: «Это такая игра. Мы
сейчас ее заново (слышишь?).
Сейчас всё отменим».

Он стоял и смотрел у подъезда,
глухой и немой, И безвольные
пальцы его холодней были льда.
Я не знаю, зачем так случилось,
но лучше б тогда Санитары не с
ней увозили носилки — со мной.

Ольга Балла

Из цикла «Дикоросль»

Но кто нас защитит от ужаса, который

Ко множеству конструктивных сторон сидения в карантине должно быть, несомненно, отнесено и то, что неудержимое (и стремительное) прохождение, истечение времени, не способное, казалось бы, вызывать иных чувств, кроме тоски, отчаяния, ужаса и протеста, резко поменяло своё базовое значение и несёт нам теперь, кроме убывания жизни, ещё и приближение (сколь бы далёким оно ни было) освобождения, чаемого расширения диапазона практик, чувственных впечатлений, возможностей вообще. Время, как это вообще редко с ним бывает, теперь работает на нас. Само. Практически без каких бы то ни было наших усилий.

Хотя, честно сказать, сидеть в затворе, вработываясь в его особенности, оттачивая связанные с этим навыки, мне нравится всё больше и больше, и когда надо будет, наконец, совершить радикальное усилие выхода из него, — это, пожалуй что, вызовет ещё и внутреннее сопротивление и почувствуется разрывом защитных оболочек.

И нечего вслушиваться

Один из важнейших уроков карантина: происходящее на улице (весна, распускание листьев, разворачивание света... — всё, словом, что традиционно занимало громадные пласты эмоциональной и телесной жизни пятьдесят с лишним лет подряд) не имеет к нам никакого отношения. Это речь, обращённая не к нам; аутичная речь мира, замкнутая на самое себя.

И нечего в неё вслушиваться.

Редкостный, редкостный опыт свободы от мира, от угождения ему, от никогда-не-выполняемой-вполне задачи соответствия ему.

«А что, так можно было?» — О. Ещё как.

Звук и оторопь

Но как же не скучать по уличным запахам (выход на балкон на шестом этаже и не мыслит давать всей их полноты — земля далеко!), по тому, как пахнет в мае дождь, как он пахнет только в мае — едва пробудившимися листьями, недавним холодом, дрожью роста юной травы (в июне — уже ноты совсем другие, — ещё летучие, но всё более зрелые, густеющие, замедляющиеся). Как не томиться по телесному единению с Москвой, по вдеванию себя в неё, как в большую, хорошо разношенную всесезонную шубу, по продолжению и укрупнению себя, недостаточной, её движениями. По арбатским переулкам. По Поварской и Бутырскому валу. По Маросейке и Покровке. (Что ни улица, то свой звук, своя телесная оторопь ему навстречу: мелкий тёплый дождик Маросейки, зябкая зыбь; глубокая влажная, чуть липкая темнота Покровки.) По ближайшему — чувствуемому как собственный хребет — Ленинскому проспекту, по Воробьёвым горам.

Сидя в затворе, человек становится всё более умозрителен. Упрощается — сколько бы ни спрессовывал внутри себя (недовостребованной) сложности. Слишком много всего — того, что доращивает его до цельности — остаётся за скобками.

К соматике смысла

Поскольку спать, вопреки всем соображениям здравого смысла, невозможно, в окна ломится нарастающий июнь, в монитор — недописанный (всё никак недописуемый) текст, во внутреннее пространства — чувства вины, тревоги и стыда за его недописуемость, не говоря об иных чувствах, недостойных публичного обсуждения, — буду-ка я разнузданно мечтать о том, что начну делать, когда оковы тяжкие падут и можно будет спокойно передвигаться по свету. А прежде всего прочего пойду я — восстанавливая чувственный, тактильный контакт с миром — в книжные магазины, чтобы нюхать книги, вщупываться в их страницы и долго, долго, неприлично долго их листать. Электронными изданиями мы здесь, в затворе, премного утешены, и это чрезвычайно украшает наше уединение, делая его жарко-интенсивным, — чего точно нет, так это пустот, вообще, участков разреженных, свободных от внутреннего напряжения. Но уже совсем очевидно, что даже умственному существованию (не говоря уж о контакте с книгами, деле глубоко интимном) — для его полноты и полноценности — страстно необходима — даже не как регулятор (хотя и как он тоже), но как важное исходное условие — телесная компонента. Тело, сведённое к ограниченному набору домашних функций и практик, всё настойчивее заявляет себя как орган (всё — в целом) не только чувствования, но мышления и воображения.

О тонкой настройке

В этом году весна — как распаковывание пространств, выведение их из зимней латентности, выстраивание заново отношений с ними (заново-инициация человека в пространство) — психологически начнётся существенно позже обыкновенного, но это даже интересно. Телесно до сих пор не прожитая, она, по существу, топчется ещё на своём пороге — едва осваиваясь сама с собой в первые недели июня. До сих пор такого она не делала — и удивлена и взбудоражена этим.

Времена года (и тоньше: месяца, суток; о, средний май и май поздний, пуще того, конец среднего мая и начало мая позднего, последние дни мая и совсем молодой июнь — это совершенно разные состояния, с разными обертонами, с разными смыслами), проживаемые телесно, путём простого присутствия на улице и передвижения по ней, служат для тонкой настройки человека, для прихотливого перераспределения в нём эмоционального, а вследствие того и смыслового баланса. То есть понятно, что Творец создавал их не за этим, но они работают как такой инструмент и хорошо и издавна человеком в качестве такового приспособлены. Видя себя всё время одним и тем же в собственных четырёх хорошо обжитых стенах, — в условиях сужения диапазона форм существования — человек огрубляется и упрощается на всех, кажется, уровнях, поскольку все они друг с другом благополучно связаны (или — вынужден учиться использовать подручные средства, которых на самом деле тоже много, для противостояния упрощению и огрублению, для культивирования тонкой чувствительности).

О терапии пространством

Хожение по улицам пешком, особенно долго и взахлёб, которого основная часть нас нынче лишена, — имеет прежде многого прочего ещё и терапевтическое значение: выматывает избыточное внутреннее движение, перегоняя его во внешнее, упорядочивает внутренний хаос простейшим из ритмов — ритмом шагов. Недолеченный пространствами человек копит в себе неисцелённые разлады, и они, знамо дело, разрушают его.

(Можно, конечно, ходить кругами по квартире, но это немного не то — и сопоставимо с многократным перечитыванием одного и того же небольшого, в пару абзацев, текста по сравнению с перечитыванием большого романа, с которым, в свою очередь, сопоставим город. Тут необходимо именно разнообразие и большие расстояния. В ответ большому пространству — текстовому ли, иному ли — успеваешь как следует внутренне развернуться.)

Это, конечно, ставит нас перед новыми задачами — изобретения, изыскания новых источников терапевтического ритма.

(А вот нехватки общения и социальной жизни не чувствую совсем, — более совсем, чем это, наверно, позволительно приличному человеку. С пространством всегда свободнее, чем с людьми, но дело тут, конечно, не в людях, а во мне. Пространство никогда ничего от тебя не ждёт, на него не надо производить впечатление, и перед ним ты никогда не виноват.)

О больших контекстах

И ещё: сидя дома, человек всем телом считывает текст, повествующий ему о нём самом — и только о нём самом. Ну разве ещё о фамильном прошлом, тоже не бог весть каком глубоком. Он — всё повторяя и повторяя утлый репертуар практик — становится тавтологичен. Он имеет слишком сильные соблазны измельчания и слишком легко им поддаётся. Большие контексты (хоть размером с улицу, не говоря — больше) хороши уж тем, что самим своим существованием сообщают нам о вещах и обстоятельствах, нас (в том числе — бесконечно) превосходящих; задают крупность, требуют крупности, соблазняют крупностью. Самого существования, а уж потом, если случится и сил хватит — то и чувства, и мысли.

Хочется запахов травы, листвы, реки, дождя, земли. Всего того, чему нет до нас никакого дела.

Запах наливающихся зрелостью листьев — запах самого времени.

Андрей Фаицкий

бестолково толкаться боками,
как шары бильярдные, здесь.
а вот были бы мы облаками —
расстарайся и небо завесь.

и пролейся на головы людям
бестолковым июньским дождём...
ну а если мы ангелы будем, —
приземлимся и рядом пойдём.

Весна 2020

Анна Гедымин

Когда откроют парки и харчевни,
И мой сосед, болезненный на вид,
Вернется из запоя и деревни,
Где счел разумным переждать ковид,
Наверное, мы встрече будем рады,
И я стерплю – соседский долг таков –
Его хиты доельцинской эстрады,
А он простит мне чтение стишков.

Какие счета!

Смерть промчалась мимо,
Не выбрав нас,
Позволив – без борьбы –
Не сгнать в этот раз в неодолимом
Огне судьбы.

Анна Лексина – Сергей Кибальчич

В ожидании невирусных дней

:-)Баттл(-:

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

СК -

Магниты

Раньше они мирно покоились на тучном металлическом теле холодильника –

В квартире всегда было место, куда можно было выгрузить

Накопленную память – воплощенные отблески сияющих ликом-дворцов,

Несхожих выраженьем улиц и без боя взятых крепостей.

Но в новой квартире холодильник упакован в броню деревянного панциря,

Который предохраняет его от подобных поползновений, –

Пришлось сгрузить всю эту ненужную теперь роскошь в целлофановый пакет,

В котором все они перемешались, слиплись между собой и потеряли свой смысл.

– Надо их все выбросить на помойку и никогда больше не поддаваться
искушению

За сто рублей или десять-двадцать евриков

Тщиться приобрести мгновения былого могущества,

Сохранив эти призраки былых впечатлений,
Отпечатки полуденных рассветов,
Силуэты уплывших кораблей,
Чтобы потом, подобно пушкинскому кастрату,
Перебирать в давно осточертевшем уединении
Алмазы, сапфиры и изумруды далеких морей, площадей и зданий!

Вздыбленная громада бухарестского Парламента,
Мистер Дарси из такого домашнего музея Джейн Остин в британском Бате,
Вечно спешащий куда-то Монмартр и...
Все-все-все...

Теперь они все стали непрошеными гостями,
Которым нечем заплатить за ночлег,
Как иным мартовским российским туристам 2020-го,
Которых новые трихины застали вдали от родины...

9 апреля 2020 г.

АЛ -

Вторжение

Когда идёшь по улице, а от тебя шарахаются даже птицы,
социальная зона - зона отчуждения, жёсткой границы

между явью и сном, реальностью и фантастическим бредом
и вспоминается - где-то я уже читала об этом.
Фантасты-шпионы описываемого будущего
распространители страхов между походом в аптеку и булочную,
все ваши сценарии взяты кем-то на вооружение -
видите, люди, это к вам - вторжение
в ваши сердца и умы - паника в ритме новой чумы...

13 апреля 2020 г.

СК -

Дин-дин-дон
пропагардон...

В феврале и марте, когда все наши мелкие бесы
Бросили свои силы на подготовку к тому,
Чтобы окончательно забальзамировать пока еще не вечно живого вождя
В вечно живом президентском сроке,
Они долго привычно полоскали еще не истлевшие косточки Западу:
Задыхающейся от пневмонии Ломбардии,
Издыхающей на ивээлах и без Андалусии,
Забитому в контагенную трубу Лондону
И вновь проколотому – на сей раз не по воздуху, а по земле – Нью-Йорку...

Популярные писатели, задыхаясь от счастья,
Что предвидели беду в своих, теперь уже несомненно гениальных произведениях,
Напоминали о своих шедеврах с гибнущими в пандемии круизными лайнерами...
Высоколобые профессора, доктора и кандидаты гробологических познаний,
Рассуждали о конце глобализации,
О какой-то известной только им самим Марии Дуглас
И о том, что в конце концов, в отличие от чумной Флоренции XIV века,
Трупы нигде пока еще не лежат на улицах...

Ну а потом, когда в этой столь ненавистной им козырно-трубной Америке –
Настолько ненавистной, что их ненависть
То и дело обращается в несоляной столб американской недвижимости,
Кое-где стало не хватать рефрижераторов,
Заговорили о том, что, дескать, чего же еще ожидать от страны,
В которой у многих нет даже медицинской страховки... –

А тем временем Европа от Вены до Киева закрывала границы...

В апреле, когда уже все наши куршавельцы
Окончательно вернулись в родные палестины
И разъехались по городам и весям нашей широкой родной страны,
Так чтобы даже самые удаленные точки где-нибудь на Алтае или в Якутии
Уж точно не смогли остаться неохваченными,
Народу, наконец, приказали сидеть дома и мыть руки с антисептиками,
Чтобы никто не подумал, что их так хорошо умывает
Только наш верховный главнокомандующий,

Как всегда, посоветовав остальным держаться без денег...

А когда этот вечно недисциплинированный народ так и не успокоился

И все сновал по улицам в надежде хоть что-нибудь заработать,

Тогда – а чего же еще вы ожидали? – было объявлено о конце самоизоляции.

Не объявлять же сразу просто о конце?..

Правда, у нас власть все время действовала с опережением,

Но Вы ведь не хотите, чтобы она забегала вперед

Так сильно заблаговременно? –

А тем временем в Ухане с пандемией уже было покончено,

Ведь в Поднебесной так и не сумели освоить наше искусство

Потемкинской самоизоляции...

В мае мы, как всегда, праздновали победу –

Не оплакивать же в самом деле погибших?

Тем более в такой момент, когда к попавшим в топку пира во время чумы
Семидесятипятилетней давности

Каждый день прибавлялись уже сотни гибнущих в нашем нечужом похмелье...

Ведь у нас на календаре всегда сияющий май сорок пятого –

Пусть даже за окном ослепительно белая ночь накануне новой блокады...

А в июне все заболевшие резко пошли на поправку –

Еще бы, ведь кто-то же должен проголосовать за поправку к Конституции,

Все верно, за ту самую, ради которой все и затевалось

Вот видите, Вы сами и так все понимаете,

Ведь Вам уж точно не нужны великие потрясения!.. –

А тем временем Европа от Мадрида до Киева уже отрывала границы...

И притом не оттого, что в их «госпиталях»

Кое-где уже не оставалось свободных коек

Для граждан, не соблюдавших мер предосторожностей,

Для тех, кто не внял вовремя сделанным им предупреждениям,

Для вдруг непонятно почему так сильно возросших в числе

Новых жертв атипичной пневмонии...

<...>

Что ж, с выцветших и потрескавшихся фотографий

Наших никем не забытых, как бы кто не старался этого добиться

Своей неумной активностью, фронтовых-сороковых,

Натужно водруженных на знамена тех,

Кто так хорошо окопался в последнем прибежище

Если не отъявленных негодяев, то непроходимых дебилов,

Никто все равно не сможет уже сказать,

Что под нашей луной все и на самом деле не вечно –

Только это не память, а торжество фарисеев,

Жалкой толчеёй столпившихся в масках, а то и без

Даже не у трона, а всего лишь только у подступов

Уже не к невинному вечернему мудозвону,

А к отливающему кровавой ржавчиной будущего российского Нюрнберга

Нашему такому милому и домашнему
Несравненному и нескончаемому
Пропагардону!..

9 мая 2020 г.

АЛ –

Фаза обскурации

Так холодно и тихо... не впервой, бурчит тихонько старый домовый, от недотёпства брошенных жильцов устали даже стены... на засов закрыты будущие времена, не видит света белого страна, как водится, все винтики враздробь, лишь ветер вишен лепестки вздымает, и дождь по крыше выбивает дробь, и лихо, повертевшись, засыпает...

18 мая 2020 г.

СК –

Новые трихины

Исполнилось пророчество: трихины

В тела и дух вселяются людей.

И каждый мнит, что нет его правей...

Максимилиан Волошин. Трихины

Пророчество исполнилось, но снова
Исполнилось совсем-совсем не так...
И снова смертным ужасом объят,
Кто слышит поступь сбывшегося слова...

А те, другие, снова как во сне
Героя, будто в их тела вселились
Трихины лжи, так бурно веселились
Некстати к нам явившейся весне...

И так они пребудут на века... –
А, впрочем, нет! – до той поры, пока,
Закутанная белым покрывалом,
В их дом просунет руку женщина – и вот
Платком кровавым вдруг она взмахнет –
Придет конец пропагокарнавалам,

И снова станет ясно, что любовь
Была той силой, что всегда спасала –
Иль обрекала, если силы не хватало...

9 июня 2020 г.

АЛ -

Родине с надеждой

«Но и теперь, как в дни былых падений,

Вся омрачённая, в крови,

Осталась ты землёю исступлений, -

Землёй взыскующей любви.»

Максимилиан Волошин. Из цикла «Неопалимая купина.» "Китеж"

В вечном холоде и мраке,

Под напором всех страстей,

То – шуты, а то – зеваки,

Рой непрошенных гостей.

Месят пыль дорог и улиц,

С кровью, Родина, твоей,

Ты опять стоишь, ссутулясь,

У чужих немых дверей.

Жаждешь, алчешь – нет ответа,

Никому твой зов не нов,

Ты побита и раздета,

И – оболгана...

Любовь

Слабым хиленьким росточком

В скорбной теплится груди,

Ты – непризнанная дочка,

Собирать золу иди!

По твоим карманам шарят

Проходимцы всех мастей,

Без огня тебя зажарят,

Не оставят и костей...

Только верь мне, Русь, родная:

Соберу твои следы.

Вновь из них земля восстанет,

Превратив насилье в дым!

2 июня 2020 г.

СК -

Невъездные

На данный момент эпидемиологическая ситуация в России

Не позволяет нам включить ее в первый список стран,

Для граждан которых можно будет открыть границы

(1 июля. Штаб-квартира ЕЭС в Брюсселе)

Когда-то мы как граждане СССР были совсем невыездные в Европу –
По крайней мере, в ту ее часть, про которую герой Кин-дза-дзы ;
Со значением произносил: «Капстрана!». ;
Тогда граница с Западом проходила для нас уже по Западной Двине,
Так что где-нибудь в Праге советский человек обалдевал от того, что в кафе
В сияющих оранжевых колбах колыхался божественный напиток,
Который чехи называли загадочным словом «джус»;;
А в книжных магазинах можно было купить такие русские книги,
Которые в России невозможно было получить даже за сданную макулатуру –

Теперь мы превращаемся в невыездных,
«И это нормально, потому что для России нужно больше времени,
Так как вирус начал активно распространяться в ней
Позднее чем в европейских государствах.
Мы будем пересматривать этот список достаточно регулярно,
И, конечно, как только станет понятно,
Что эпидемиологическая ситуация в России улучшилась,
Мы включим ее в перечень. Это же в наших двусторонних интересах».

Вот как все меняется —

Когда-то раньше мы были невыездные
В Западную Европу – Теперь невыездные
Даже и в Восточную –

Может быть, наконец, и в самом деле для нас настало время,

Чтобы возделывать свой – если не вишневый (1), то хотя бы вишнёвый, – сад,

Пока наш дом еще не продан с торгов, а сад вырублен еще не полностью?

9 июля 2020 г.

(1) Свою последнюю пьесу Чехов, по свидетельству К.С.Станиславского, вначале хотел назвать «Вишневым», а не «Вишнёвым садом», подчеркивая тем самым то, что это «деловой, коммерческий сад, приносящий доход» (А.П.Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 409-410).

На распутье

«Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,

Тому, кто жив и брошен в тёмный склеп,

Кому земля – священный край изгнания,

Кто видит сны и помнит имена, -

Тому в любви не радость встреч дана,

А тёмные восторги расставанья!»

Максимилиан Волошин. Из венка сонетов «Corona astralis» <Ключ>

На языке деревьев

Писать стихи.
Петь гимны солнцу,
Радоваться весне...
Славить посев
Восторженной чепухи,
Вовсе ненужной
Нашей большой стране.
Правдой кормить
Того, кто по горло сыт,
Сны поливать
Любви золотым дождём.
И застывать
У камня, что всем велит
Чтить расставанья...
Прямо от них пойдём!

4 июня 2020 г.

СК -

Приобретение

Вот я еще что-то приобрел – какое счастье!..

Какая разница, что по удаленке, так даже удобнее! –

Радостный миг обретения вещи,
Как будто бы миг обладания еще одной, прежде непознанной женщиной,
Которую можно записать в свой неведущийся, но от этого не менее явственный
И сокровенный дон-жуанский список,
Ощущение принадлежности только тебе –
Вот ты уже можешь этим пользоваться!..

Но где ж эту вещь разместить – здесь, среди причудливых ваз –
Безбрежного фарфоро-фаянсового дворца округлостей,
Среди закоулков бесконечного лабиринта Hoff-овских коробок,
Из которого, кажется, не выбраться даже с нитью Ариадны,
Или где-то еще, чего пока даже не создала в вашем доме
Современная неумная страсть к комфорту и накоплению?..
И Вы оставляете ее где попало, в надежде, что вскоре
Новоявленная гостья как-то сама
Обретет свою постоянную и незыблемую регистрацию.

Проходит время,
И Вы, наконец, определяете эту теперь уже новую жилищу
На новое место жительство.
И что же? А ничего – прочно забываете о ней надолго,
Пока случайно не сталкиваетесь с ней где-то, как с давней знакомой
Посреди переполненного, докоронавирусного автобуса.
Привет – привет! Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она...

Но она не оглядывается. И Вы приходите к выводу,

Что для того, чтобы следующая встреча была не такой нежданно-негаданной,
Не такой спонтанной,
И произошла тогда, когда в этой старой знакомой
Возникнет настоящая необходимость,
Вещь нужно переселить.

Она снова терпеливо сносит свое непрошенное интернирование.

– А что еще остается делать ей,
Безропотной невольнице своего нового господина,
Нежданно-негаданной минутной владычице
Ее непостоянного и хлопотливого обретателя?
И вот она переезжает в другой уголок
Вашего прекрасного, но неяростного мира...

Что же сделаете Вы с ней в момент следующей встречи?

Может быть, просто выселите из Вашего дома,
Поняв, наконец, что это не Вы тешитесь прелестями Вашей безропотной рабыни,
А она пока еще только терпит Вас в своих владениях,
Готовая, как чеховская Наташа Прозорова,
Переселить Вас самого куда-нибудь подальше,
А то и выбросить на помойку, чтобы Вы, наконец, перестали мешать
Играть и плакать ее такому ранимому и такому нежному Бобику?..

9 октября 2020 г.

СК -

Другая жизнь

Она была в длинном черном балахоне

С какими-то двумя простроченными, старорежимными светлыми линиями по бокам.

Когда речь зашла об оформлении документов,

Она сказала, что для нее все это темный лес.

Когда потом заговорили о величине пошлины на покупку участка на двоих,

Она сказала, что ничего в этом не понимает.

Наконец, так как к ней уже больше никто ни с чем не обращался,

Она сказала, что, пока был жив ее муж,

То этим всем занимался он сам...

И тогда стало ясно, что для нее теперь настала совсем другая жизнь –

Та, до которой никто из нас пока еще не дожил

И, даст Бог, может быть, никогда не доживет...

9 ноября 2020 г.

АЛ -

Эта жизнь

В ожидании солнечных дней, в наблюдении солнечных зайцев

Эта жизнь побежит веселей, если бурь и невзгод не бояться.

Этой жизни достаточно знать, что её ты ценить научился.

И тогда - она будет сиять и в глазах твоих счастьем лучиться!

21 октября 2020 г.

СК–

В ожидании невирусных дней

В ожидании невирусных дней,

В наблюдении солнечных зайцев

Эта жизнь побежит веселей,

Если бурь и невзгод не бояться.

Этой жизни достаточно знать,

Что её ты ценить научился.

И тогда – она будет сиять

И в глазах твоих счастьем лучиться!

– И еще не мешало бы ей
Только в том бы хотя б убедиться,
Что не будешь сильней и сильней
В чем совсем не виновен, виниться.

Что и теле-, и просто козлам
Придавать ты не будешь значенья –
Будто это невиданный храм –
Это лишь неудобоваренье :)
К чашке чая и горстке печенья.
Разве это пример злоключенья?

В ожидании невирусных дней
Стоит постараться не истратить понапрасну вирусные,
Может быть, наконец-то, позвонить тем, кому так давно собирался,
Пока еще для этого достаточно тех средств связи,
Которые обеспечивают нам наши мобильные старухи-процентщицы: ;

Привет – привет! Посмотри, наконец, на своего старого знакомого
Хотя бы только мысленно дорисовывая его черты,
Пока для этого еще вовсе не обязательно оглядываться
В прошлое...

9 декабря 2020 г.

АЛ -

Чаша терпения

И даже вирусы-трихины для возрождения даны,

Когда в метели карантина, толкая утлые челны

Всё ближе к месту встречи, где константы

Харон хранит с автографами Данте,

Вергилия, Гомера...

Несть числа

Тем, с кем судьба во времени свела

У самого последнего порога,

Где ждёт преобразования дорога.

18 февраля 2021г.

АЛ -

Этюды коронавирусной поры

Дым родимый – коромыслом, в печке – правила игры.

Привыкая к новым смыслам, мир летит в тартарары,

Виртуальность – панацея, прятки от самих себя,

Просто жить всегда труднее, даже сложности любя.

Заново читать учиться, создавать словами твердь,

В сказке можно заблудиться, в жизни – та же круговерть.

Прививать толпе короны, собирая урожай

Всех чудесно исцеленных, цифровой встречая рай.

Хороводы снежных масок, расслоение эпох,

Если жить вдали от сказок, может мир не так уж плох,

Но чем дальше, тем страшнее, под ногами пустота...

Победить болезнь сумеет рыцарь чистого листа.

19 февраля 2021г.

Валерий Земских

Февраль закончился

достал таблетки

плачу

коронавирус за окном

и конституция

куда податься

карету мне карету

но кордоны

и люди в масках

и палочки у них в руках

возможно Коха

но бьют как настоящие дубинки

куда несёшься

чего-то образующий язык

Санджар Янышев

После необъявленного окончания карантина

мы выйдем слегка измененными:

рыбак проснется удочкой;

айтишник - мороженой картофелиной;

жертвенная Дина из сериала про мертвое озеро -

своим счастливым привидением.

Я выйду тем, кем ты всегда мечтала меня видеть:

твоей неотъемлемой частью (белого или

салатного цвета с двумя изящными петельками

для светящихся в майском беззвучном гудении

ушек).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Надя Делаланд — поэт, литературный критик, арт-терапевт, кандидат филологических наук, преподаватель университета. Автор нескольких книг стихов.

Борис Кутенков — поэт, литературный критик, культуртрегер, обозреватель. Редактор отдела науки и культуры «Учительской газеты», редактор отдела эссеистики и публицистики портала «Textura», соредактор электронного издания «Формаслов», редактор отдела поэзии портала «Прочтение». Один из организаторов литературных чтений «Они ушли. Они остались», посвященных рано ушедшим поэтам XX и начала XXI века, и соредактор антологии «Уйти. Остаться. Жить».

Вера Павлова — поэт. Окончила музыкальный колледж им. Шнитке и Академию музыки им. Гнесиных по специальности «История музыки». Работала экскурсоводом в доме-музее Шаляпина, печатала музыковедческие эссе, 12 лет вела студией детского литературного творчества 33 («Звёзды Зодиака»). Автор 22 поэтических книг. Переведена на 21 иностранный язык.

Стефания Данилова — поэт, продюсер арт-проектов, медиа-аналитик. Окончила аспирантуру СПбГУ по направлению «Реклама и связи с общественностью», автор кандидатской диссертации о продвижении поэта XXI века. Автор 16 книг стихотворений и прозы, вышедших в издательствах «АСТ», «РиполКлассик», «Нюанс». Стихи переведены на 10 языков.

Евгения Джен Баранова — поэт. В 2011 году окончила СевНТУ по специальности «Информационные управляющие системы и технологии». Публиковалась в журналах «Юность», «Крещатик», HomoLegens и др. Финалист и призёр ряда литературных конкурсов. Член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей. Автор книги стихов «Рыбное место» (СПб., Алетейя, 2017).

Камилла Лысенко — поэт, создатель жанра «поэтический медиатеатр», автор первой интерактивной книги поэзии в России «В маленькой комнате». Автор и участник медиаспектаклей, клипов и story-альбома «Камикадзе»

Мальвина Матрасова (настоящее имя Дарья Бирюкова) — поэт, кинодраматург. Окончила мастерскую Ю.Н. Арабова во ВГИКе. Вела частные курсы по писательскому искусству. Автор шести поэтических сборников.

Татьяна Стоянова — поэт, куратор литературных проектов. Училась в РГУТиС и Московском государственном университете печати. С 2015 года занимается продвижением современной русской литературы в издательстве «Редакция Елены Шубиной». Переводит стихи с румынского, гагаузского и других языков. Участница поэтического семинара Дмитрия Воденникова в школе «Пишем на крыше». Автор сборника стихотворений «Матрёшка» (2019). Публиковалась в литературных журналах «Юность», «Традиции & Авангард», «Формаслов» и др.

Ольга Балла — литературный критик, эссеист. Редактор отдела философии и культурологии журнала «Знание — Сила», редактор в журнале «Знамя», автор нескольких книг о культуре и литературе. Член Союза литераторов России.

Андрей Фамицкий — поэт, переводчик, главный редактор литературного портала «Textuga». Автор четырех поэтических книг, среди них — «Жизнь и её варианты» (М., 2019) и «minimorum» (М., 2020).

Анна Гедымин — поэт, прозаик. Окончила факультет журналистики МГУ. Член СП СССР и Союза писателей Москвы с 1991 г. Лауреат премий журналов «Литературная учеба» (2005), «Дети Ра» (2010), «Юность» (им. Анны Ахматовой, 2013); радиостанции «Немецкая волна» за радиопьесу (1991) и др.

Анна Лексина — поэт, филолог, автор трех поэтических сборников, а также статей о русской рок-поэзии и др. Публиковалась в журналах «Север», «Нева».

Сергей Кибальчич (настоящее имя Сергей Акимович Кибальник) — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, член Международного общества Ф. М. Достоевского. Автор восьми монографий о русской литературе, а также двух литературно-художественных книг: «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог» (2008), «МВитьки. Стихи и „прозы“, соображенные ночью на двоих и на троих on- и off-line» (2017, в соавт. с Виктором Мальцевым). Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Знамя», «Волга», «Литература».

Валерий Земских — поэт. Закончил физический факультет Ленинградского государственного университета. С 1990 г. был постоянным автором литературной страницы «Тик–Так», которую вел Михаил Кузьмин в газете «Смена». Вместе с А. Мазиным, Г. Волга и др. входил в группу «НАСТ», которая выпустила несколько одноименных самиздатских сборников. Публиковался в журналах «Новый журнал» (СПб.), «Литературное обозрение»; НЛО, Крещатик (Германия), «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Зинзивер» и др. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей XXI века.

Санджар Янышев — поэт, переводчик, музыкант. Автор книг: «Червь» (СПб., 2000), «Офорты Орфея» (М., 2003), «Регулярный Сад» (М., 2005), «Природа» (М., 2007), «Стихотворения» (М., 2010), «Умр. Новая книга обращений» (М., 2017).